

УДК 340.12

Клименко А.И.

Религиозно-магическая природа правовой идеологии в контексте ее функциональных характеристик

Клименко Алексей Иванович, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: klimenko_law@mail.ru

В статье поставлена проблема религиозно-магических оснований (религиозной и магической природы) правовой идеологии. Определено значение магических и религиозных представлений в формировании содержания современной правовой идеологии; установлена роль религиозных идей и идей, сформировавшихся на основе магических представлений древних, на формирование современного содержания правовой идеологии; выявлено влияние религиозных и магических верований на идеологический механизм, а также функции правовой идеологии, обусловленные ее религиозной и магической природой.

Ключевые слова: правовая идеология, идейная структура правовой идеологии, сакрализация, функциональные характеристики правовой идеологии, магия, религия, дискурс, право, правовая идеология гражданского общества, юридическая идеология государства.

Религиозно-магические основания можно выделить во всех без исключения типах идеологии. Так и правовая идеология как идеология современного государственно организованного общества западного типа имеет религиозно-магические корни¹. Их можно увидеть как в содержании, так и в самом механизме правовой идеологии. В настоящей статье мы не дифференцируем магические и религиозные корни правовой идеологии, так как их объединение оправдано долгим сосуществованием в системе политических идеологий традиционных государств. Тем не менее, возможна и их дифференциация, примером чему может служить уникальное произведение Г.Д. Гурвича «Магия и право», где выдающийся отечественный юрист, опираясь на работы Дж.Дж. Фрэйзера и других исследователей магии и религии как социальных институтов, устанавливает их связь с правом через правовые представления². В защиту нашего подхода следует отметить следующее. Несмотря на то, что – как совершенно справедливо утверждал Г.Д. Гурвич, – магические представления как представления о сверхъестественном имманентном отличны от религиозных представлений как о сверхъестественном трансцендентном в системе религиозной идеологии, они сплетались воедино и в системе религиозных идеологий традиционных государств прошлого. Магические представления и представления религиозные были сбалансированы в политеистических религиях, религиозные представления превалировали над магическими в монотеистических религиях. Следует согласиться с мнением о том, что в целом религиозные представления выступают как более сложные с интеллектуальной точки зрения, а магические – как более простые и архаичные. Так, Дж.Дж. Фрэйзер справедливо отмечал: «Если магия выводится непосредственно из элементарных процессов мышления и является, по существу, ошибкой, в которую человеческий ум впадает почти спонтанно, то религия покоится на понятиях, которые едва ли по плечу интеллекту животного. На этом основании можно предположить, что в эволюции человеческого рода магия возникла раньше религии; что человек пытался подчинить природу своим желаниям силою чар и заклинаний до того, как стал предпринимать попытки задобрить и смягчить замкнутое, капризное и гневное божество нежной вкрадчивой молитвой и жертвоприношениями»³. Архаичные магические представления в чистом виде никогда не лежали в основе единой политической идеологии государственного уровня, они всегда были связаны с религиозными, и только в этой взаимосвязи определялась их идеологическая значимость. Вместе с тем, как хорошо показывает Г.Д. Гурвич, магические представления и практики, а также религиозные представления и ритуалы образуют различные виды права и правовые процедуры через внедрение в сознание людей определенных представлений⁴.

Говоря о религиозно-магических основаниях правовой идеологии следует указать на то, что они имеют место как на уровне содержания идеологии (это видно на ценностном и идейном уровнях), так и на уровне механизма

¹ См. о концепции правовой идеологии: Клименко А.И. Правовая идеология как особая форма идеологии современного политически организованного общества: сущность и функциональные характеристики // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 10. С. 14–23.

² Гурвич Г.Д. Магия и право // Философия и социология права: Избранные сочинения. СПб.: Издательский Дом СПбГУ, Издательство юридического факультета СПбГУ, 2004. С. 473–556.

³ Фрэйзер Дж.Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2006. С. 63.

⁴ Гурвич Г.Д. Указ. соч. С. 473–556.

идеологии (включая сами приемы и способы функционирования этого механизма). Действительно, почти все элементы идеологического механизма, такие как ассоциация с процедурой, номинация, мифологизация и т.д., уходят своими корнями в магические и религиозные практики. Это хорошо исследовано юридической антропологией¹.

Основным в этом плане выступает представление о сверхъестественном, на котором строятся как магические, так и религиозные представления. Магия и религия востребованы тогда, когда естественное нуждается в сверхъестественном.

Прежде всего, для нас важно проанализировать представления о сверхъестественном и установить как они находят отражение в системе правовой идеологии. Идеологическая сфера общества всегда связана с «удвоением» реальности и в этом плане нуждается в представлениях о том, что выходит за границы обыденного, в представлении о сверхъестественном. Именно наличие сверхъестественного позволяет оправдать наличное положение вещей, объяснить их и, в конце концов, управлять ими (оказывать на них влияние). Сверхъестественное – неистощимый источник авторитета для оправдания чего-либо или сокрушения чего-либо, неистощимый источник как легитимации существующих общественных отношений, так и их трансформации.

С магической точки зрения сверхъестественное присуще всему, что обладает маной² (магической энергией). Представления о мане являются одними из самых древних магических представлений. Наличие маны предполагает возможность каких-либо действий на сакральном, сверхъестественном уровне, возможность жить не по общим правилам профанного мира. Мана имеет количественное измерение и энергетическую природу, она в разной степени присуща индивидам. Представление о неких уникальных сверхъестественных свойствах человека рождает правовые представления о правах человека, о добытых индивидом правах, о праве как привилегии конкретного индивида. В этом находит свое выражение индивидуальное измерение права, «каждый может взять себе свободы столько сколько может воспринять тяжести ответственности», соответственно, здесь играют роль энергетические качества человека.

Идея маны лежит и в основе представлений о праве собственности, об ассоциациях и договорах. С точки зрения магических представлений предполагается, что мана человека кроме энергетического контекста воспринимается и как персональный маркер. Если какая-либо вещь принадлежит человеку, то критерием ее принадлежности является «пропитанность» маной этого человека, соответственно, это говорит о праве собственности как о природном праве. Так, в древних магических культурах было распространено представление о том, что хозяин украденной вещи может через нее наказать вора, так как она пронизана его маной, и он может через эту вещь воздействовать на окружающих. Союзы также в рамках таких культур заключались через обмен дарами, который представлял собой с магической точки зрения обмен маной, между людьми или сообществами, предполагающий не только правовую, но и, прежде всего, магическую связь.

Для мифологических представлений свойственны и представления о магическом законе симпатии, которые заключаются в том, что «подобное стремится к подобному». Зачастую эти представления имеют место и в современной правовой идеологии, когда оправдываются установленные правом ограничения для некоторых лиц, которые «имели касательство» к преступному действию, родственники которых уличены в какой-либо противоправной деятельности и т.д. Более подробно и несколько в ином ракурсе эти вопросы были рассмотрены Дж.Дж. Фрээрером, который, говоря о симпатической магии (магии предполагающей закон симпатии), выделял магию гомеопатическую (закон подобия) и контагиозную (закон «заражения»)³. Разумеется, здесь мы видим искажение, которое может быть использовано идеологически или, как указывает сам Дж.Дж. Фрээрер, мы здесь сталкиваемся со «способами злоупотребления связью идей»⁴.

Идея меры имеет также выраженную магическую природу, она тесно связана с представлениями о мане, рассмотренными нами выше, так как мана имеет свою энергетическую меру и имманентное сверхъестественное проявляется через нее (через эту своего рода магическую энергию) мерно. Мера, прежде всего, характеризует формальную сторону магических представлений и степени проявленности человека через его ману. Идея меры как «меры свободы» лежит в основе правовых представлений о порядке. Свобода становится правовой только в том случае, если она умеренна (то есть имеет меру, границы, формализацию), именно тогда она может быть зафиксирована и в социальном смысле ответственна. Без представлений о мере немислим и правопорядок, который, безусловно, предполагает умерение свободы всех и каждого.

С религиозной точки зрения сверхъестественное находится за гранью человеческого понимания, оно имеет в качестве источника божественное, сила религиозной сакрализации состоит как раз в абсолютизации сакрального – сверхъестественного – божественного. Здесь, так же как для магических представлений, важна идея маны, важна идея Бога и представление о божественном сакральном, не поддающемся разумению со стороны обитателей обычного – профанного мира. В религиозных представлениях проявление сверхъестественного не является чем-то обычным, пронизывающим все социальные практики, как мы это видим в магических представлениях, это событие чрезвычайное. Иерофания всегда воспринимается как нечто яркое, торжественное, удивительное и неординарное.

На ценностном и идейном уровнях, разумеется, сразу бросается в глаза религиозная идея единого непозна-

¹ См.: Рулан Н. Юридическая антропология. М.: Норма, 2000.

² Элиаде М. Мана // Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир, 1999. С. 33–37. Термин «мана», обозначающий в верованиях народов Меланезии и Полинезии существующую в природе сверхъестественную силу, носителями которой могут быть отдельные люди, животные, различные предметы, а также «духи», впервые ввел в научный оборот Р. Кодрингтон (см.: Codrington R.H. *The Melanesians: Studies in their Anthropology and Folklore*. New York: Dover Press, 1972). Манипулирование маной применялось для достижения ближайших целей: хорошей погоды, обильного урожая, излечения от болезни, успеха в любви или победы в сражении. Аналогичные представления под разными названиями существуют у многих племен и народов. См. также: Keesing R.M. "Rethinking" Mana". *Journal of Anthropological Research* 40 (1984): 137–156; Styers R. "Mana and Mystification: Magic and Religion at the Turn of the Twentieth Century." *WSQ: Women's Studies Quarterly* 40.3 (2013): 226–243.

³ Фрээрер Дж.Дж. Указ. соч. С. 18–21.

⁴ Там же. С. 19.

ваемого порядка, которая свойственна религиозным представлениям и отражена в правовой идеологии сегодня как идея правопорядка. Этот порядок с религиозной точки зрения освящен Богом, так что проверять его внутренним нравственным чувством не имеет смысла, этот порядок также тождественен справедливости. Божественный порядок не может быть несправедлив, и только он и справедлив. Это порядок, являющийся самоценным и противостоящий в этом смысле беспорядку, хаосу, в котором нет ни верха ни низа.

В правовой идеологии также присутствует образ суда. Суд как интеллектуальный акт суждения в его высшем смысле – Высший Суд – привилегия Бога, суд как механизм правового разрешения споров также с точки зрения религиозных представлений принадлежит божеству, однако это право может быть делегировано людям – отсюда как мы видим берет начало сакрализация суда как учреждения по разрешению споров и проблемных ситуаций в обществе. Суд как механизм разрешения споров и суд как мудрое суждение сливаются воедино в религиозном образе мудрого Создателя – Высшего Судьи или мудреца, которому бог поручил выносить суждения его именем.

Одной из важных ценностей в системе правовой идеологии является ценность закона, которая выражена в идее закона. Следует согласиться с мнением В.П. Малахова о том, что закон – понятие религиозное, «... закон следует считать понятием, характерным для религиозного сознания»¹. Вместе с тем, «вскрытый пласт сакрально-священного является не только самым глубинным содержанием понятия закона но едва ли не первостепенным моментом при осмыслении феномена права» утверждает ученый². Не случайно именно в сегменте юридической идеологии государства идея закона является наиболее идеологически востребованной, ведь в идеологической сфере государства многие века господствовала религиозная идеология. Сама идея закона предполагает источник этого закона как высшего правила, запрета и т.д., образующего «правильный» порядок, этим источником может быть только нечто сверхъестественное. В религиозных представлениях этот источник совершенно очевиден – это Бог. Мы видим, как религиозно-правовые концепции последовательно выводили законы человеческие из божественных и т.д. (Ф. Аквинский, Ж. Маритен и др.). Сегодня в условиях «светской» идеологии таким «источником» может служить воля народа. В любом случае закон (в отличие, например, от договора) есть безусловное одностороннее требование, источником которого может быть лишь безусловный авторитет. Когда мы имеем дефицит такого авторитета, то обычно идея закона трансформируется в идею договора.

Идея греха является важной в системе религиозных представлений. Предполагается, что человек несовершенен и не подобен Богу именно в силу своей греховности, природной ушербности, присутствию в нем элемента беспорядка и хаоса, нарушающего божественный порядок. Грех предполагает проявление несовершенства человека, которое невозможно устранить. Вместе с тем представление о грехе создает основу для его понимания, как и для различения мира сакрального и мира профанного (как царства греха). В системе правовой идеологии наиболее четко идея греха выражена в представлении о преступном, противоправном. Противоправное (преступное) является нежелательным, бросает вызов правопорядку, однако вполне может быть воспринято как «нормальное» обратимое отклонение. Грех, как и преступление, есть способ реализации свободы, предполагающей ответственность, и именно ответственность выступает как «лекарство» от греха. Юридическая же ответственность есть форма восстановления правопорядка.

Здесь мы закономерно переходим к иной религиозной идее – идее воздаяния. Она связана с религиозной идеей греха, при этом выражается в системе правовой идеологии в идее ответственности, а в праве эта идея реализуется через механизм юридической ответственности. Это очень хорошо проиллюстрировано в знаменитых произведениях Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы». Воздаяние в религиозном смысле – это и наказание, и восстановление духовной цельности, и устранение последствий, и «гроза» угроза – выражения страха господнего. В идее ответственности мы видим сходные аспекты, через ответственность происходит исправление человека, устранение последствий противоправного (преступного), наказание и общая превенция. Через возмездие и через ответственность торжествует порядок, в основе которого лежит закон, подкрепленный абсолютным авторитетом.

Следует особо отметить то, что магические представления в системе правовой идеологии более всего доминируют в ее индивидуально ориентированном дискурсе – дискурсе свободы и ответственности, а религиозные – в социально ориентированном дискурсе – дискурсе порядка и справедливости. Сами идеи свободы и связанной с ней ответственности коррелируют с магическими представлениями и мифологическими образами, представление же о всеобщем справедливом порядке, разумеется, коррелирует с религиозным мировоззрением, отличающемся выраженной системностью. Магические представления предполагают, что человек обладая энергией (маной) и знаниями может выработать некую систему действий и привлечь к реализации своей свободы сверхъестественные силы под свою ответственность. Религиозные же представления предполагают единый порядок, установленный Богом, единый сверхъестественный критерий справедливости (который не может быть познан, но проявлен через закон).

Теперь обратимся к механизму правовой идеологии. Действительно, именно особенности механизма правовой идеологии способны дать нам достаточно полное представление о ее религиозно-магической природе.

Для этого механизма характерен, например, такой магический прием как идеологическая номинация (именование). Именование – наделение именем – является изначально религиозно-магической процедурой – акцией (первоначально магической), которой придавалось в различных древних культурах большое значение. Сейчас номинация распространяется не только на людей, но и на явления, процессы, группы, модели поведения. Так, те или иные модели поведения, способы мышления и аргументации могут квалифицироваться как расистские, человек может именоваться рецидивистом (в современном уголовном праве России это понятие отсутствует, есть лишь понятие «рецидив»), определяться как террорист, экстремист или, напротив, как борец за свободу, смелый политик, друг народа и т.д. Разумеется, эти номинации широко используются в идеологическом дискурсе, правовая идеология применяет и официальную и авторитетную номинацию (для официальной номинации необходимо, чтобы номинирование соответствовало формальным критериям; так для того, чтобы то или иное действие офи-

¹ Малахов В.П. Философия права. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. С. 172.

² Там же. С. 172.

циально было номинировано, то есть определено, названо агрессией, необходимо, чтобы определенные международные органы, то есть в данном случае Совет Безопасности ООН, оценили бы рассматриваемые действия по определенным критериям и вынесли официальное решение с соблюдением надлежащих правовых процедур. Авторитетная номинация такого не требует, она нуждается в источнике, обладающем авторитетом, это может быть представитель власти, ученый, общественный деятель и т.д.). Номинация как бы превращает называемое явление в нашем сознании (в идеологическом смысле успешно наделение «именем» это действительно превращение как и в магии). Здесь уместно утверждение «как вы человека назовете, так к нему и будут относиться». Не случайно, очень важно анализировать основные понятия, которые вводятся в дискурс различными акторами социальных отношений, в них видны попытки «превратить» кого-то или что-то в злодеев (зло), а что-то, напротив, «обелить». Так, разные акторы к одним и тем же людям могут применять разные характеристики: террористы, экстремисты, с одной стороны, революционеры, борцы за веру (свободу) – с другой и т.д. Часто адвокаты пытаются снять негативную номинацию злодея со своего подзащитного и заменить ее на неопасную, безвредную, представляя подзащитного жертвой. Таким образом, номинация как идеологический прием, имеющий магическую природу, может выступать и как проклятие и как благословение. Следует отметить, что номинация – это базовый идеологический прием, имеющий большое значение для понимания механизма любой идеологии.

Прием ассоциации также важен в идеологическом механизме. Здесь используются магические представления о том, что подобное стремится к подобному (закон симпатии, «симпатическая магия»), а также представления о мане; при этом проводятся логически необоснованные связи, которые могут выдаваться, например, за причинно-следственную связь, через ассоциацию может имитироваться тождество, взаимосвязь, а также одноприродность и однотипность тех или иных социальных явлений и процессов. Действительно, если предметы, явления, процессы, люди связаны через магическую основу – ману, их связь не поддается логической верификации, она может быть определена лишь магическими средствами, и ее наличие или отсутствие становятся вопросом веры, силы убеждения, эстетической привлекательности и политико-экономической целесообразности. Ассоциация экспонирует связь там, где этих связей в действительности нет, действительные связи в этом случае могут вуалироваться. Этот прием очень важен для механизма идеологии, так как в основе идеологии лежит задача создания правдоподобной картины мира, и она опирается, на фальсификацию или имитацию мышления. Таким образом, логическая связь заменяется ассоциативной. Ассоциации могут быть разных типов, одно неизменно: ассоциация фальсифицирует связь. Успех и правдоподобность ассоциации зависят от того, насколько она красива и гармонична.

Обратимся теперь к приему ритуализации. Ритуализация (замещение содержания ритуалом) имеет религиозно-магическую природу. Несмотря на то, что ритуал связан, прежде всего, с религией, представление о технологии (механизме действий), результатом которой является изменение действительности через обращение к сверхъестественному, зародилось уже в магических представлениях и затем перешло в представления религиозного плана. С ритуалом связана так называемая «имитационная магия», то есть магия, связанная с символическим воспроизведением в человеческих действиях желаемых (вызываемых) явлений природы (примером служит вызов дождя путем проливания жидкости на землю с возвышения). Ритуал в системе правовой идеологии должен также обосновать связь с определенной ценностью и выражающей ее идеей. Так, ритуал судебного заседания (а оно строго ритуализировано) призван создать впечатление причастности к действительному правосудию как выражению высшей справедливости и справедливого порядка. По сути, прием ритуализации во взаимосвязи с приемом ассоциации создают эффект, который мы наблюдаем в религиозной и юридической практике, – эффект ассоциации ценности (идеи) с процедурой. Так, воспроизводство ритуала в религиозной практике, несмотря на свою формальную природу, ассоциируется со служением Богу (само понятие «богослужение» в нашем сознании ассоциируется с ритуалом). Также и процедуры выборов в представительные органы власти и референдума сегодня ассоциируются с такой ценностью как народовластие – с демократией. Соблюдение надлежущей процедуры – одно из важнейших правовых требований, которое имеет для права существенное значение. Например, при получении доказательств ненадлежащими способами, они могут быть не приняты судом, и виновный может в силу этого избежать ответственности.

Заслуживает внимание и еще один идеологический прием – прием мифологизации. В.А. Бачинин верно отмечает, что религиозно-магические представления и свойственное им мифологическое «мышление» «...налагало на картину мироздания модель двоичных признаков и рассматривало реальность сквозь призму противоречий-опозиций: хаос – космос, земля – небо, дневное – ночное, жизнь – смерть, мужское – женское, свои – чужие и т.д.»¹. Тем не менее, следует признать, что мифомышление не является исключительным атрибутом древности. Сегодня мифологическое сознание ничуть не менее развито, и примером тому может служить исследование Р. Барта, который связывал современную социальную мифологию со стереотипами буржуазной культуры². Миф – сложная форма фальсификации мышления, которая использует образы, обращающиеся к архетипам коллективного бессознательного, которые, разумеется, проявляются как в религиозном, так и в современном правовом сознании³. Следует сказать, что в современной юридической теории мифологические элементы также очевидно присутствуют, как справедливо и аргументированно доказывает В.П. Малахов⁴. Сама теория также идеологизирована и представляет собой элемент идеолого-правового дискурса (не случайно В.П. Малахов ставит вопрос о мифе, о научности самой юридической теории)⁵.

Символизация – прием, который не следует отождествлять с мифологизацией (как это делает Р. Барт). Символизация предполагает отождествление той или иной ценности и выражающей ее идеи с каким-либо знаком, слоганом, образом, одним словом, – с символом в самом широком смысле слова. Символизация характерна и для

¹ Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. С. 489.

² См.: Барт Р. Мифологии. М.: Академический проект, 2008. С. 310–311.

³ См.: Юнг К.Г. Нераскрытая самость // Синхрония: акаузальный объединяющий принцип. Сборник статей. М., 2010. С. 52–127.

⁴ Малахов В.П. Мифы современной общеправовой теории. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013.

⁵ Там же. С. 15–25.

современной правовой идеологии, хотя и в меньшей степени, чем для идеологии религиозной. В Европе эпохи феодализма виселица, находящаяся в селении, свидетельствовала о том, что в этом селении находится суверен, то есть лицо или группа лиц, которые наделены на данной территории правом высшей юрисдикции – правом казнить и милловать. Многие современные юридические процедуры имеют символическую нагрузку, например, сам судебный процесс изобилует символами справедливости.

Сегодня, когда на смену мифологии и религиозным верованиям приходят «юридические верования»¹, а правовая идеология начинает играть ведущую роль в идеологической сфере общества, ряд важных религиозно-магических функций по-прежнему характерны и для современной правовой идеологии. Эти функции унаследованы правовой идеологией от идеологии религиозной.

В отношении самого права можно выделить такую функцию, как функция сакрализации и ритуализации. Действительно, религиозные и магические представления оказали достаточно серьезное влияние на право. Современная правовая идеология, как мы выяснили, как содержательно, так и по своему механизму во многом основана на религиозных и магических представлениях. Для правовой идеологии характерно признание высшей ценности права, что требует высшего авторитета и собственно сверхъестественного ресурса для легитимации. Правовая процедура, ее чистота, правильность и т.д., по сути, становятся сегодня аналогом религиозного ритуала или магического обряда². Вместе с тем сакрализация и ритуализация права, связывая право с сверхъестественным авторитетом, тем не менее, противоположна его рациональной экономической природе. Существует в этом плане определенная конкуренция между религиозно-магической природой права, с одной стороны, и его экономической природой, с другой. В правовой идеологии уже преобладает рациональный момент (это хорошо видно, если сравнить ее содержание и функционирование с религиозными идеологическими системами). Вместе с тем идеология предполагает фальсификацию мышления, предполагает восприятие определенных убеждений на основе одной лишь «веры». Эти ошибки мышления и его фальсификации, подкрепленные зачастую эстетической ценностью, лежат в основе любой идеологической системы. Сегодня право включает в себя значительный религиозный элемент, и именно этот элемент наделяет его особым авторитетом, без этого элемента невозможна правовая идеология как идеологическая основа современного политически организованного общества.

В отношении личности религиозно-магической функцией правовой идеологии выступает функция духовной адаптации. Действительно, долгое время эта функция была связана с идеологией религиозной, однако в современном обществе, которое не ориентируется на конкретные религиозные представления, именно правовые представления становятся той универсальной сферой духовной жизни личности, в рамках которой личность может осуществлять эффективную и полную коммуникацию с другими личностями и социальными институтами. Именно в минимальных, но при этом универсальных правовых воззрениях человек узнает себя как часть великого социально-политического целого сегодня. Вместе с тем, правовая идеология, являясь «минимальной», не склонна (в отличие от идеологии религиозной) контролировать всю духовную сферу жизни общества. Соответственно, сегодня человек в социально не значимой сфере своей жизни обладает свободой выбора (в этом видится определенная ценность правовой идеологии); вместе с тем, какую бы религию ни исповедовал человек, каких бы политических взглядов он ни придерживался, в современном обществе западного типа выполнить функцию духовной адаптации в социальной среде может только правовая идеология. Именно выражая лояльность ее ценностям и идеям человек может войти в уважаемый, официальный дискурс, а значит высказать свое мнение, выразить себя в социальной среде.

В отношении общества в качестве религиозно-магической функции правовой идеологии следует выделить функцию формирования сверхъестественного социально-культурного ареала или нормативно-ценностной основы дискурса, базирующегося на основаниях веры в сверхъестественное (пусть даже «светской веры»). Безусловно, мы нуждаемся в определенных константах, в качестве которых в сфере социального знания выступают сегодня правовые ценности и идеи. Они признаются универсальными в силу апелляции к их высшей «сверхъестественной» разумности и справедливости. Их «сверхъестественность» обуславливает их некритическое восприятие, восприятие через механизмы веры. Именно по своей сути религиозное отношение и религиозное восприятие ценностной основы существующего политического общества и основ существующего уклада жизни как правильной, правильного всегда лежит в основе положительного восприятия самого этого общества. Только на этой мировоззренческой базе веры возможно строительство любого социального открытого дискурса, отличающегося большей или меньшей степенью рациональности. Действительно, только на основе общих ценностей и идей может эффективно осуществляться социальная коммуникация, без которой общность не мыслима. Совершенно очевидно для политически организованного общества, о каком бы этапе развития которого мы ни говорили, что только общие ценности могут примирить частные интересы. Речь, конечно, не идет о том, что, как мечтал Платон, все люди в государстве должны думать одинаково, но речь идет о том, что люди принципиально должны верить в одинаковое. Это хорошо понимали наши предки, и не случайно религиозные противоречия являлись самыми острыми и непримиримыми в ту эпоху, когда религиозная идеология занимала господствующее положение в идеологической сфере общества. Однако сегодня предмет «публичной», социально значимой веры изменился. Современное общество ориентировано на «светских богов», тех, которые есть результат социального консенсуса. В качестве таковых и выступают ценности правовой идеологии.

В отношении государства религиозно-магической функцией правовой идеологии выступает функция сакрализации государственных институтов и самой государственной власти. Эта функция осталась в наследство правовой идеологии от идеологии религиозной³. Здесь необходимо подчеркнуть, что даже современная правовая идеология для объяснения государственной власти использует апелляции к сверхъестественному. В современных государствах

¹ Гурвич Г.Д. Социология права // Философия и социология права: Избранные сочинения. СПб.: Издательский Дом СПбГУ, Издательство юридического факультета СПбГУ, 2004. С. 770.

² См.: Гаралон А. Хранитель обещаний: суд и демократия. М.: NOTA BENE, 2004; Гурвич Г.Д. Магия и право. С. 473–556.

³ См.: Андреева Л.А. Сакрализация власти в истории христианской цивилизации: Латинский Запад и православный Восток. М.: Ладомир, 2007; Полосин В.С. Миф. Религия. Государство: Исследование политической мифологии. М.: Ладомир, 1999.

это, как правило, воля народа или высшая справедливость. Власть всегда нуждается в высшем авторитете, который обеспечивается источником сверхъестественного плана. Необходимость сакрализации государственной власти и государственных учреждений существует и сегодня, однако в системе правовой идеологии, где власть скорее рассматривается как нормативный анонимный феномен – определенный порядок – «диспозитив власти», сакрализация сведена к минимуму¹. Однако и сегодня посредством идеологии создается представление о власти как об имеющей сверхъестественные основы, о процессе властвования (особенно о законотворчестве и о судопроизводстве) как о таинстве и священнодействии. Это выражено также и в особом отношении к символам государственной власти как к сакральным. За неуважительное отношение к этим символам и сегодня зачастую предусмотрена юридическая ответственность. Таким образом, несмотря на общую тенденцию десакрализации современного общества, функция сакрализации государственной власти и властных институтов для современной правовой идеологии актуальна.

Исходя из вышеизложенного, следует сделать определенные выводы и обобщения.

1. Имеет смысл говорить о религиозно-магической природе правовой идеологии несмотря на то, что магия и религия как культурные феномены могут быть разделены. Постановка вопроса о религиозно-магической природе имеет смысл ввиду того, что долгое время в идеологической сфере традиционных обществ господствовала идеология религиозного типа, основанная на тесно связанных и иногда неразличимых религиозных и магических представлениях. На одних лишь магических представлениях и идеях невозможно создать единую стройную идеологию политического общества, для этого нужна религиозная система. Но даже в религиях (религиозных системах) магические представления неминусом присутствуют.

2. И религиозные и магические представления оказывают существенное влияние на содержание, механизмы и функционирование правовой идеологии.

3. На протяжении многих веков именно религиозно-магические представления лежали в основе идеологии. Именно в религиозно-магических представлениях – первооснова любой идеологии.

4. Следует выделить такие функции, обусловленные религиозно-магической природой правовой идеологии, как: функция сакрализации и ритуализации права (в отношении самого права); функция духовной адаптации личности (в отношении личности); формирования сверхъестественного социально-культурного ареала или нормативного дискурса, базирующегося на основаниях веры в сверхъестественное, пусть даже «светской веры», например, демократия в ее книжном изложении также явление сверхъестественное (в отношении общества); функция сакрализации государственных властных институтов и сакрализация самой государственной власти (в отношении государства).

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Л.А. Сакрализация власти в истории христианской цивилизации: Латинский Запад и православный Восток. М.: Ладомир, 2007. 304 с.
2. Барт Р. Мифологии / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина М.: Академический проект, 2008. 351 с.
3. Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 1081 с.
4. Бертель Ж.Л. Общая теория права / Под. общ. ред. В.И. Даниленко. М.: NOTA BENE, 2000. 567 с.
5. Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 656 с.
6. Гаррапон А. Хранитель обещаний: суд и демократия. М.: NOTA BENE, 2004. 328 с.
7. Гурвич Г.Д. Магия и право / Пер с англ. и комм. М.В. Антонов, Л.В. Воронина // Философия и социология права: Избранные сочинения. СПб.: Издат. Дом СПбГУ, Изд-во юридического ф-та СПбГУ, 2004. С. 471–564.
8. Гурвич Г.Д. Социология прав / Пер с англ. и комм. М.В. Антонов, Л.В. Воронина // Философия и социология права: Избранные сочинения. СПб.: Издат. Дом СПбГУ, Изд-во юридического ф-та СПбГУ, 2004. С. 565–802.
9. Клименко А.И. Правовая идеология как особая форма идеологии современного политически организованного общества: сущность и функциональные характеристики // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 10. С. 14–23.
10. Колер Й. Шекспир с точки зрения права (Шейлок и Гамлет) / Комм. Р.С. Бевзенко. М.: Волтерс Клувер, 2006. 160 с.
11. Косарев А.И. Идеология жизни в судьбах народов. М.: ИД «Юриспруденция», 2009. 167 с.
12. Малахов В.П. Мифы современной общеправовой теории: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. 151 с.
13. Малахов В.П. Философия права. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. 336 с.
14. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. / Пер. с нем. яз. и послесловие А.М. Руткевич. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 272 с.
15. Полосин В.С. Миф. Религия. Государство: Исследование политической мифологии. М.: Ладомир, 1999. 440 с.
16. Радбрух Г. Философия права. М.: Международные отношения, 2004. 240 с.
17. Розин В.М. Генезис права: Методологический и культурологический анализ. М.: NOTA BENE, 2003. 336 с.
18. Рулан Н. Юридическая антропология. М.: Норма, 2000. 301 с.
19. Фрэйзер Дж.Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / Пер. с англ. М.К. Рыклина. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2006. 781 с.
20. Элиаде М. Мана // Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир, 1999. С. 33–37.
21. Юнг К.Г. Нераскрытая самость // Синхрония: акаузальный объединяющий принцип. Сб. ст. М.: АСТ, 2010. С. 52–127.
22. Bowle J. *Politics and Opinion in the Nineteenth Century. An Historical Introduction*. London: Jonathan Cape, 1963. 516 p.
23. Codrington R.H. *The Melanesians: Studies in their Anthropology and Folklore*. New York: Dover Press, 1972.
24. Keesing R.M. "Rethinking" Mana." *Journal of Anthropological Research* 40 (1984): 137–156.
25. Styers R. "Mana and Mystification: Magic and Religion at the Turn of the Twentieth Century." *WSQ: Women's Studies Quarterly* 40.3 (2013): 226–243.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Клименко, А. И. Феномен сакральности власти в истории правовой мысли / А.И. Клименко // *Пространство и Время*. — 2014. — № 4(18). — С. 24—29. Стационарный сетевой адрес: 2226-7271provst4-18.2014.12

¹ См. Розин В.М. Генезис права: методологический и культурологический анализ. М.: NOTA BENE, 2003. С. 107–111.